

О В Ъ Я В Л Е Н І Е (1).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА
2-е дополненное изданіе подъ редакціей А. Е. Никольскаго
Новые Духовные Законы.

Полное руководство для православныхъ священно-церковно-служителей, монашествующихъ, настоятелей монастырей, благочинныхъ, членовъ консисторій, архіереевъ и другихъ начальствующихъ лицъ, съ приложеніемъ подробныхъ узаконеній для церковныхъ старостъ и попечительствъ.

Сост. по св. законовъ новаго изд., Дух. Регламенту и Уст. Дух. Конс., печатанному по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода въ 3-хъ частяхъ.

Часть 1. Законы для духовныхъ лицъ всѣхъ наименованій; о бракахъ законныхъ и незаконныхъ и расторженіе ихъ; о дѣтяхъ законно и незаконно рожденныхъ.

Часть 2. Законы для церковныхъ старостъ, попечительствъ и благочинныхъ.

Часть 3. Указы Св. Синода и распоряженія епархіальныхъ начальствъ.

Москва, 1879 г. 420 стр. убор. печати. Ц. 2 р., въ прочномъ коленкоромъ переплетѣ 3 р.

Выотрая распродажи перваго изданія, составляя лучшую рекомендацію книги, дала возможность издателю увеличить содержаніе ея всѣми повѣйшими узаконеніями и дополненіями и такимъ образомъ „Духовные Законы“ должны сдѣлаться необходимой настольной книгой всего духовенства отъ исаомничка до Архiepастыри и для лицъ прочихъ сословій, постоянно соприкасающихся съ дѣлами церкви отъ рожденія до смерти.

Прошу Гг. иногород. адресоваться въ контору издателя-книгопр. Алексѣя Дм. Ступина, въ Москвѣ, Никольск. ул., д. Заиконосп. монаст. Пересылку принимаю на свой счетъ и посылаю съ первою почтою.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Нѣсколько словъ о хурулахъ, богослуженіи и празднествахъ, отправляемыхъ калмыками, кочующими въ предѣлахъ Астраханской губерніи.

(Продолженіе) (2).

На праздникъ *Цаганъ-Сара* калмыцкое духовенство, во множествѣ, собирается изъ малыхъ хуруловъ въ большой, принося съ собою инструменты своей духовной музыки, которая отъ того въ составѣ своемъ значительно увеличивается. Подъ праздникъ *Цаганъ*, богослуженіе начинается съ вечера и

(1) Настоящее объявленіе получено, для напечатанія, изъ Астраханской Духовной Консисторіи, которая, разсмотрѣвъ книгу „Духовные Законы“ изд. конторою Ступина, признаеть возможнымъ рекомендовать ее духовенству епархіи, какъ полезное руководство.

(2) См. Астрах. Епарх. Вѣдом. № 7, 8, 9 15, 16, 19, 20 и 21.

продолжается всю ночь. Услыхавъ призывные звуки *бишкюровъ*, все собранное духовенство идетъ къ дверямъ главной кибитки *Бурхыни-Оргэ*, и, совершивъ входную молитву, какъ сказано было выше, входитъ въ хуруль, гдѣ послѣ очереднаго подергиванія *юрдю*, занимаетъ свои мѣста. Моленіе состоитъ изъ чтенія, пѣнія и духовной музыки, съ обычными антрактами и угощеніями духовенства, совершающаго богослуженіе. При ночномъ, а иногда и дневномъ богослуженіи, играющіе на духовыхъ инструментахъ, встрѣчаютъ не малое затрудненіе. Отъ сильныхъ морозовъ, внутри металлическихъ трубъ и бишкюровъ образуется ледъ, отъ котораго инструменты не издають никакихъ звуковъ. Для устраненія чего, въ теченіе ночи, а иногда и днемъ, раза два или три оттаиваютъ духовые инструменты, приготовивъ огонь въ кибиткѣ, разбитой ближе другихъ къ *Бурхыни-Оргэ*.

Къ числу особенностей этого торжества можно отнести то, что калмыцкое духовенство къ *Цагану* приготовляетъ а) двѣ фигуры, похожія на большія вазы для цвѣтовъ, съ двумя ручьями и отлогими вверху краями (*булбы*) не вмѣющія въ среднѣ пустоты. Онѣ дѣлаются изъ крутаго пшеничнаго тѣста и запекаются на огонь, и б) изъ того-же тѣста, въ особыхъ формахъ, приготовляютъ одну большую и нѣсколько меньшихъ фигуръ, похожихъ на нѣсколько сплюснутую голову сахара, съ тупою вершиною. Послѣднія фигуры покрываются составомъ кофейнаго цвѣта, и въ нихъ видныются бѣлыя пятна, въ родѣ вставленныхъ зеренъ очищеннаго миндаля. Всѣ эти фигуры занимаютъ мѣсто на жертвенномъ столѣ, предъ отливными бурханами. Въ интервалахъ между ними, стоитъ нѣсколько металлическихъ, — изъ серебра, — райскихъ цвѣтовъ, именуемыхъ *Бадма* (*lotus*). Штампъ каждаго лотуса имѣетъ нѣсколько развѣтвленій, увѣнчанныхъ цвѣтками, отчетливой работы. Бурханы и все принесенное въ жертву освѣщается нѣсколькими *зулами* и сальными свѣчами, вставленными въ самые обыкновенные мѣдные или жестиные подсвѣчники. Сальные-же свѣчи, зажженные въ простыхъ деревянныхъ фонаряхъ (закопченныхъ и испачканныхъ) ставятъ на столъ, поставленный между двумя рядами гелюпговъ, гдѣ обыкновенно полагаютъ инструменты духовной музыки и *номы* (священ. книги). Картина *Окунъ-Тенгри* (*зурукъ-шютэнг*) занимаетъ ближайшее мѣсто къ отливнымъ бурханамъ, разставленнымъ въ глубинѣ жертвеннаго стола. Предъ *Бакшию* ставятъ большое металлическое блюдо, въ родѣ глубокой тарелки, наполненное зернами пшеницы, перемѣшанной съ незначительнымъ количествомъ фруктовъ, изъ котораго, въ

извѣстныя момепты молитвъ, читаемыхъ гелюнгами, *Вакша* беретъ нѣсколь-ко зеренъ пшеницы и бросаетъ ихъ вверхъ на все четыре стороны. Въ антрактахъ чтеній, свободныя гелюнги, а иногда и гецюли, зажигаютъ *кюджи* — родъ длинной курительной свѣчи, кофейнаго цвѣта, которая походитъ на не толстый деревянный прутикъ. Имъ, въ продолженіе ночи, неоднократно окуриваютъ отливныя изображенія и священные картины, а также — и холстовую связку того *нома*, который намѣриваются взять для чтенія. Такое-же кажденіе совершается и тогда, когда прочитанный и завязанный *номъ* относятъ на этажерку, стоящую въ хурульной кибиткѣ. Запахъ *кюджи* приятенъ; много походитъ на запахъ хорошаго курительнаго порошка, который продаютъ въ магазинахъ.

Когда время, всенощнаго богослуженія, близится къ разсвѣту, часовъ около 5 утра, въ хурулѣ начинаются сборы для совершенія особой духовной процессіи. Приносятъ тонкую крашеную палку, въ родѣ *урины*, къ вершинѣ которой привязываютъ картину (*зуррукъ-штотэнъ*) *Окунъ-Тенгри*, что и даетъ ей видъ нашей хоругви. Этими дѣломъ занимаются три гелюнга; гецюли-же въ это время приносятъ большой квадратный столъ, ножки котораго имѣютъ высоту не болѣе аршина, и ставятъ его подъ открытымъ небомъ, шаговъ на полтораста или на двѣсти отъ *Бурхымы-Оргэ*, на юго-востокъ. Столъ покрываютъ матеріей; затѣмъ изъ хурула, съ жертвеннаго стола, берутъ и выносятъ нѣсколько металлическихъ чашечекъ съ сарачинскимъ пшеномъ, фруктами, пряниками, конфектами и т. под. и ставятъ оныя на приготовленный столъ. Вѣстѣ съ ними захватываютъ и двѣ фигуры, изъ крутаго тѣста, похожія на голову сахара, и ставятъ ихъ на восточную сторону стола. Для освѣщенія вновь устроеннаго жертвенника, выносятъ два простыхъ деревянныхъ со стеклами фонаря, съ зажженными въ оныхъ салными свѣчами и ставятъ одинъ изъ нихъ на сѣверную, а другой на южную сторону стола. Что, при почной темнотѣ, даетъ весьма слабый свѣтъ. Въ это-же время изъ хурула выносятъ длинныя ширдыки и разстилаютъ ихъ въ двѣ линіи отъ новаго жертвенника, по направленію къ дверямъ хурульной кибитки, для возсѣданія духовенства. Когда все бываетъ готово, при свѣтѣ нѣсколькихъ фонарей, изъ хурула начинается торжественное шествіе; во главѣ процессіи несутъ картину *Окунъ-Тенгри*, привязанную къ вершинѣ древа. Одинъ изъ болѣе почетныхъ гелюнговъ держитъ древко обѣими руками, а двое идутъ съ нимъ рядомъ, одинъ по правую а другой по лѣвую сто-

рону его. За ними идутъ музыканты, съ духовными инструментами. Въ это время музыка играетъ довольно весело, что-то весьма похожее на мотивы русскихъ плясовыхъ пѣсенъ. За музыкаю по два, а иногда и по три въ рядъ идетъ духовенство. Когда вся процессія подойдетъ къ вновь устроенному столу, то три гелюнга, — несшій и сопровождавшіе изображеніе *Окунъ-Тенгри*, становятся на восточную сторону стола; музыканты-же и все прочее духовенство, въ двѣ линіи располагаются на приготовленныхъ ширдыкахъ, на сѣверо-западъ, по направленію къ *Бурхыни-Оргэ*. Здѣсь моленіе продолжается не болѣе получаса; по окончаніи котораго, музыканты и все духовенство поднимаются со своихъ мѣстъ, и, предводимые картиною *Окунъ-Тенгри*, въ томъ-же порядкѣ, подъ веселые звуки музыки, идутъ обратно въ хурулъ. — Между тѣмъ манджикъ проворно убираетъ ширдыки; гецули берутъ все, что было разставлено на столѣ, подъ открытымъ небемъ, и относятъ въ хурулъ, на прежнее ихъ мѣсто. Лишь только вся процессія войдетъ въ *Бурхыни-Оргэ*, гелюнги снимаютъ съ дровка картину *Окунъ-Тенгри*, и вѣшаютъ ее на свое мѣсто, совершивъ краткую молитву. Этотъ обрядъ, по разказу одной почтенной особы, совершается въ воспоминаніе побѣды, одержанной *Окунъ-Тенгри* надъ злымъ духомъ, предъ разсвѣтомъ. Она разорвавши чрево сатаны, дала возможность солнцу, — этому благодѣтельному свѣтилу, — снова явиться на горизонтѣ!

По окончаніи моленія, въ хурулѣ начинается особаго рода церемонія, совершаемая духовенствомъ. Прежде всѣхъ *Ванша* подходитъ къ жертвенному столу и, у одной изъ вазъ (*бумба*), сдѣланныхъ изъ крутаго тѣста, отламываетъ кусочекъ и кушаетъ; его примѣру слѣдуютъ гелюнги, гецули и всѣ манджикъ, участвовавшіе въ богослуженіи. Послѣ вкушенія священной бумбы, духовенство не выходя изъ хурула, начинаетъ взаимно привѣтствовать другъ друга словомъ *мэндэ* (здравствуй!), прикладывая простертые ладони своей руки, (сокрытые въ рукахъ тулупа) къ локтю лица, привѣтствуемаго, — которое, охвативъ обѣими руками, до локтя руки привѣтствователя, отвѣчаетъ тѣмъ-же словомъ: *мэндэ!* Послѣ чего взаимно мѣняются *зятями*⁽¹⁾ (муш-

(1) Зятя — это, вѣроятно, орѣхъ съ лавроваго дерева; потому-что лавровый листъ калмыки называютъ зятянь-хамта сунъ „листъ мушеатнаго орѣха“. Зяти служатъ припарою къ вареному кирпичному чаю, въ который мелко крошатся. Если-же у калмыка зяти не имѣется, то вмѣсто его, въ вареный чай, кладутъ мелкій вѣнецкій перецъ (хара-бурушь). Количество его зависитъ отъ вкуса потребителя.

катными оръхями); если-же кто не запасся этими продуктами, то—конфектами. Затѣмъ все духовенство расходится по своимъ кибиткамъ. При этомъ не лишне замѣтить, что для братской трапезы духовенству, за нѣсколько дней до праздника *Циана* убиваютъ много барановъ и рогатаго скота, такъ чтобы мяса (*маханъ*) достало на 15 дней. Потому-что, будто-бы по уставу буддѣйскому, въ первые 15 дней праздника воспрещено убивать животныхъ. Способъ, которымъ калмыки убиваютъ животныхъ, своеобразный. Животному, обреченному на закланіе, связываютъ ноги и кладутъ его на землю, на лѣвый бокъ; потомъ разрѣзываютъ грудную полость и рукою, еще у живаго животнаго, вынимаютъ сердце; отчего смерть бываетъ моментальная. За тѣмъ начинаютъ снимать шкуру и вынимать внутренности. Мясо убитой скотины называютъ *лаксынъ*; а падали—*укюксэнъ*. Последняго гелюнга не употребляютъ.

По уходѣ гелюнговъ, простолюдины начинаютъ входить въ хурультную кибитку, и такъ-какъ отъ оставшихся печеныхъ вазъ уже невозможно бываетъ ничего отломить рукою, то они безцеремонно хватаютъ ихъ обѣими руками и кусаютъ по одному разу, кто сколько можетъ и потомъ ставятъ на жертвенный столъ. Когда бумбы уже не могутъ занимать вертикальнаго положенія, ихъ разламываютъ по кусочку и вкушаютъ. Послѣ чего, еще въ хурулѣ, и между простолюдинами начинаются общія поздравленія и обмѣнъ *зятями*, или-же конфектами.

(Продолженіе будетъ).

Протоіерей Пармень Смирновъ.

Разныя Извѣстія.

О веденіи особыхъ реестровъ небывшихъ у исповѣди и св. причастія прихожанъ и о правилахъ относительно побужденія таковыхъ къ исполненію христіанскаго долга. (Распоряженіе Кавказск. Епарх. Начальства, Церк. Вѣстн. 1878 г. № 49). Кавказская духовная консисторія, выслушавъ дѣло по рапортамъ благочинныхъ съ представленіемъ исповѣдныхъ росписей и экстрактовъ при нихъ о бывшихъ и небывшихъ на исповѣди и у св. причастія въ 1877 году, между прочимъ, приказали: По разсмотрѣніи исповѣдныхъ росписей оказалось, что по росписямъ станицы Холмской за 1877 годъ отмѣчены небывшими у исповѣди и у св. причастія по упущенію 13 душъ обоего пола, въ станицѣ Абинской 33 души обоего пола, въ станицѣ Мингрельской 28 душъ обоего пола по упущенію и